

вых книг извлекались поденные записи и оформлялись в хронологическом порядке.

В таможенных больших городов составлялось еще больше черновых и беловых приходных книг. Так, в Нижнем Новгороде в 1621 г. при таможенном голове госте Ф. Озерове «с товарищи» было собрано 20 871,5 руб. пошлинных денег, которые вместе с беловыми отчетными таможенными книгами и счетными списками (ревизиями) головой и каретным целовальником доставлялись в Москву в Новгородскую четверть думному дьяку Ивану Грамотину (с середины 20-х гг. XVII в. нижегородские таможенные пошлины поступали в приказ Большого прихода). Вместе с таможенными книгами в центр высылались и роспись этих книг³.

Особенностью организации делопроизводства нижегородской таможни было то, что в первой половине XVII в. в Нижнем Новгороде торговцы семи средневожских городов платили пошлины за соль и рыбу, купленные под Астраханью⁴, поэтому на этих торговцев составлялись отдельные пошлинные книги: Васильгородские, Казанские, Кокшанские, Костромские, Нижегородские, Свияжские и Чебоксарские. Кроме этих книг в «рописи» упомянуты еще «мытные» (проезжие), «платежные» (основные таможенные), «мелкого доходу», «сотные» (пошлина с каждой сотой рыбы ценной породы: белуги, осетрины, севрюги, эта рыба считалась поштучно и в каждой рыбине могло быть до 50—70 пудов весу), «тридцатые» (пошлина с каждой тридцатой рыбы), «икряные», «соляные», «померного хлеба», «с зимних дров и с лесу и с бревен и з сена», «перевозные» (разных перевозов под Нижним Новгородом через Волгу и Оку), «заповедные протаможенных денег», «оброчные» (за право торговать в течение года иногородним, нижегородцам и уездным крестьянам разным товаром на гостином дворе) и «пищим деньгам» (сбор за запись с книги об уплате торговцами пошлин). Итак, насчитывается 20 беловых книг. Черновых же таможенных приходных книг в нижегородской таможне было еще больше, и некоторые из них попали в состав сборных беловых книг — «мелково доходу», «платежных» и, возможно, других, например, черновые записи конских пошлин, пригона скота, летнего пригона дров и леса, перечневые помесячных таможенных сборов, некоторых сельских филиалов городской таможни (лысковской, антоновской, константиновской) и другие.

Сведения «рописи» таможенных книг Нижнего Новгорода — крупнейшего центра торговли России очень важны, поскольку в отсутствие уставных таможенных грамот и таможенных книг города проливают некоторый свет на организацию в нем таможенного дела.

В городских таможнях в первой половине XVII в. были местные традиции и особенности ведения финансово-отчетной документации. Например, в Устюге Великом особо велись черновые и беловые книги сбора пошлин с торговых людей гостиной сотни и книги не взятых пошлин «с хлебных закупщиков по государевым указам»⁵, в Калуге — составлялись книги «мимоезжих» торговцев, направляющихся в Вологду⁶, возможно, для следования на Архангельскую ярмарку, а в Астрахани (до 1661 г.) — книги записей пошлин за покупку «колмыцких ясырей» (пленников) русскими людьми и иноземцами⁷.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городские книги). Оп. 1. Тотьма. Кн. 25. Л. 585—587.

² Таможенные книги Московского государства XVII века / Под ред. А. И. Яковлева. Т. 1. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633—1636 гг. М.; Л., 1950. С. 409, 468, 492, 534.

³ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). 1622 г. № 35. Л. 268—278.

⁴ Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях. СПб., 1889. С. 280.

⁵ Таможенные книги Московского государства... Т. 1. С. 143.

⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 37. Ч. 2. Л. 554.

⁷ АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 163. С. 314.

В. Н. Глазьев

ТАМОЖЕННЫЕ И КАБАЦКИЕ ГОЛОВЫ ВОРОНЕЖА в XVII в.

Организация таможенных и кабацких сборов в России XVII в. зависела от региональных особенностей. Управление таможней и кабаком в Воронеже — типичном южнорусском городе, укрепления которого со второй трети XVII в. входили в состав Белгородской черты, осуществлялось Разрядным приказом. В материалах делопроизводства Разрядного приказа (РГАДА) и Воронежской приказной избы (Государственный архив Воронежской области) отразились правительствен-

ная политика в отношении таможенного и кабацкого дела в Воронеже XVII в. и практическое воплощение распоряжений из Москвы.

Преобладающая группа населения города Воронежа — служилые люди по прибору: беломестные казаки, полковые казаки, стрельцы, пушкари, затинщики. Под влиянием особых обстоятельств правительство увеличивало численность приборных служилых людей в два раза, например, в первой половине 1640-х гг. — в связи с учащением татарских набегов; в 1670 г. — в связи с известиями о Степане Разине. В Воронежском уезде размещались дети боярские, поместные казаки, слободские атаманы, их крестьяне и бобыли, монастырские крестьяне и бобыли.

В Воронеже первой половины XVII в. постепенно формировался посад. В Дозорной книге Воронежского уезда 1615 г. названо 59 дворов оброчных «молотших» людей Ямной и Напрасной слобод, плативших небольшой оброк в казну. Составители переписной книги Воронежского уезда 1646 г. насчитали в городе 85 посадских дворов. Торговлей и ремеслом в Воронеже, кроме них, занимались монастырские оброчные люди, бобыли слободы боярина Никиты Ивановича Романова, служилые люди¹. В 1649—1651 гг. в городах, подведомственных Разрядному приказу, в том числе и в Воронеже, Приказом сыскных дел был осуществлен сыск торговцев и ремесленников, не несущих тягла. Сыщики составили строельные книги, по которым этих лиц записали в посад². По данным П. П. Смирнова, по строельным книгам 1649 г. в воронежский посад было взято около 100 дворов, прирост составил 117,6 %³.

О таможене и кабаке в Воронеже известно с 1615 г.⁴ Заведовал таможеней и кабаком один человек. Сборы поступали в Разрядный приказ. Таможня и кабак (кружечный двор) или отдавались «на веру», или на откуп. За период с 1615 г. по 1640 г. сведения о тех людях, которые управляли воронежскими кабаком и таможеней, отрывочны. Среди них были откупщики (1615 г. — москвич Н. Г. Высокого Колпака; 1624/25 г. — И. Офремов, крестьянин боярина кн. И. Б. Черкасского; 1634/35 г. — А. Григорьев) и головы (1618/19 г. — К. Мертемянов, 1619/20 г. — Д. Веневитинов). О социальной принадлежности выборных голов за этот период судить трудно.

В 1640—1670-е гг. воронежскими таможеней и кабаком (кружечным двором) управляли: 1641/42 г. — И. Шишкин, воронежский сын боярский; 1643/44 г. — С. Пареной (Паренного), воронежский сын боярский; 1644/45 г. — Ф. Павлов, воронежский сын боярский; 1645/46 г. — С. Трубицын, ельчанин; 1647/48 г. — Н. С. Плеханов, ельчанин; 1648/49 г. — М. Пареной (Паренного), воронежский сын боярский;

1649/50 г. — П. Протопопов, воронежский сын боярский; 1650/51 г. — П. Толмачев, воронежский сын боярский; 1651/52 г. — П. Пареной (Паренного), воронежский сын боярский; 1652/53 г. — П. Толмачев, воронежский сын боярский; 1655/56 г. — Л. Павлов, воронежский сын боярский; 1656/57 г. — Т. Кочапин, воронежский сын боярский; 1657/58 г. — П. Митрофанов, воронежский сын боярский; 1658/59 г. — Т. Донской, воронежский сын боярский; 1659/60 г. — Л. Шишкин, воронежский сын боярский; 1664/65 г. — И. Т. Михнев, воронежский сын боярский; с 1-го марта 1668 г. — С. Ф. Петров, воронежский сын боярский; с 31 июля 1668 г. — Ф. Н. Струков, воронежский сын боярский; 1668/69 г. — Н. Полазов, воронежский сын боярский; 1669/70 г. — Ф. М. Дмитриев, воронежский сын боярский; 1673/74 г. — А. Лосев, воронежский сын боярский, 1677/78 г. — Н. Полазов, воронежский сын боярский; 1678/79 г. — М. Протопопов, воронежский сын боярский; 1679/80 г. — А. Т. Михнев, воронежский сын боярский.

Таким образом, таможеней и кабаком в 1640—1670-х гг. преимущественно руководили воронежские дети боярские. В то же время в центральных и северных городах таможенное и кабацкое управление находилось в руках посадских людей. Эта особенность была вызвана слабостью воронежского посада в отмеченный период.

Таможенные и кабацкие (кружечного двора) головы 1640—1670-х гг. принадлежали к служилым верхам «города». Об этом свидетельствуют их поместные оклады, наличие крестьянских и бобыльских дворов, пребывание на других должностях местного управления, родственные связи⁵. Исполнение обязанностей головы представляло собой не только повинность, но и возможность влиять на важные сферы жизни города и уезда — торговлю и организацию кабацкого дела.

Как правило, головы и целовальники избирались на один год и приступали к своим обязанностям с 1-го сентября. Выборы, по указаниям Разрядного приказа, организовывал воевода, обязанный следить, чтобы головой и целовальниками стали «самые добрые и прожиточные люди, которых с такое дело будет и которые грамоте умеют».

Голова, целовальники и избравшие их люди несли имущественную ответственность за недобор таможенных и кабацких доходов, который зависел, среди прочего, и от качества спиртного. В декабре 1645 г. голова С. Трубицын заявил, что вино, оставленное ему предшественниками, не пользуется спросом: «росходу на кабаке тому вину нет: питухи в чарки не пьют, и в ведра, и в подставы не берут». Руководители Разряда распорядились: «то вино отдать прежним целовальником и воронежцом, которые тех целовальников на кабак выбирали для того: велено им vybrати целовальников на кабак добрых, и выбра-

ли целовальников воров, которые государевы казне прибыли не поискали, и на целовальниках и на выборных людях взяти вино доброе и отдати на кабаку⁶.

Воевода требовал у воронежцев особый документ — выбор на голову и на целовальников, заверенный подписями избирателей. В архиве Разрядного приказа и Воронежской приказной избы сохранились выборы на голову и целовальников. Воронежского таможенного и кабацкого (кружечного двора) голову выбирали дворяне и дети боярские из своей среды. Если он недоберет доходов, то выборщики несли ответственность частично, соответственно его «повытью». Целовальников в таможню и на кабак (кружечный двор) выбирали отдельно по сословным группам усманские атаманы, стрельцы, беломестные и полковые казаки, посадские люди. Ответственность за недобор доходов делилась по сословным группам согласно «повытью» того или иного целовальника. Только губного дьячка выбирали все сословия вместе: дворяне и дети боярские, поместные казаки, беломестные и полковые казаки, стрельцы, пушкари, затинщики и посадские люди. Ответственность выборщиков за дьячка по сословным группам не разделялась⁷. В отличие от выборов таможенного и кабацкого головы, при выборах губного старосты составлялся один документ о выборах — общий для всех категорий населения, участвующих в выборах.

Большое значение придавалось присяге (целованию креста), которая производилась в присутствии избирателей. Головы и целовальники присягали в том, что будут старательно и бескорыстно собирать таможенную и кабацкую прибыль, не ссужать никому таможенные и кабацкие доходы, не давать «воеводам и приказным людям в почесть и в посул денег ис кабака, вина и меду и от медвяных ставок воску и иного ничего». Воевода обязывался осуществлять контроль за выборными лицами, помогать им, при необходимости применять меры принуждения к лицам, не платящим таможенную пошлину или незаконно изготовляющим спиртное на продажу. Разряд строго оберегал свое право распоряжаться таможенными и кабацкими доходами в подведомственном ему городе, запрещая расходовать их по указаниям других приказов⁸. Воевода должен был защищать голову и целовальников от неоправданных исков к ним⁹.

На протяжении XVII в. воронежский посад численно вырос, в конце XVII в. в него было записано более 300 дворов. Важнейший фактор укрепления воронежского посада — торговля с донскими казаками, с Царицыном. В 1680-е гг. головы к таможне и кружечному двору в Воронеже выбирались уже из числа посадских людей: 1682/83 г. — С. Русинов, воронежский посадский человек; 1683/84 г. —

К. Мосалитинов, воронежский посадский человек; 1685/86 г. — П. Тулинов, воронежский посадский человек. В 1680—1690-е гг. таможня и кружечный двор в Воронеже находились в ведении Приказа Большой казны¹⁰.

Типичное явление — недоборы таможенной и кабацкой прибыли¹¹. Недоборы середины XVII в. имели объективные причины, которые указывали в челобитных головы и целовальники. Основание новых городов, где торговцы освобождались от платежа пошлин, вызвало перемещение торговли из Воронежа в другие пункты юга России¹².

Стремление правительства увеличить таможенные и кабацкие доходы приводило к передаче их на откуп, что затрагивало интересы населения, особенно слоев, связанных с торгово-промышленной деятельностью. На этой почве возникали острые противоречия, разрешение которых достигалось ценой огромных усилий. Показателен в этом отношении имущественный спор, вспыхнувший в Воронеже в 1668—1672 гг., между откупщиком — жителем московской Кадашевской слободы Л. Елизарьевым и выборными представителями города и уезда. Длившийся около четырех лет он отразил настойчивость городского и уездного населения в отстаивании своих прав, использование им разнообразных средств, позволявших добиться своих целей.

Во время судебного разбирательства с откупщиком проявились единение городского и уездного «мира», сплоченные действия местных жителей по защите своих интересов. Хотя откупщик и имел несколько сторонников из числа воронежцев, но их голос в его защиту не прозвучал. Будучи чужим для города и уезда, Л. Елизарьев, при всей своей изощренности, знании бюрократических тонкостей, приказных уловок, не смог добиться своего и понес крупные убытки в своем оказавшемся рискованном предприятии¹³.

Примечания

¹ Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. В. Н. Глазьева. Воронеж, 1998. С. 161.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 341. Л. 49—50.

³ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 708, 717.

⁴ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891. Т. 2. С. 16.

⁵ Аналогичное положение занимали губные старосты, осадные, стрельцкие и казачьи головы из числа местных служилых людей (см.: Глазьев В. Н.

1) Опыт генеалогического изучения служилого «города» XVII в.: Коллектив-

ный портрет воронежских губных старост // Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001. С. 80—82; 2) Воронежское дворянство XVII в.: Роль в местном управлении // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 14—30.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 210. Л. 327—333.

⁷ Там же. Оп. 13. Д. 177. Л. 6—24; ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 50. Л. 1—15.

⁸ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губ. и частью Азова. Воронеж, 1852. Кн. 2. С. 44—50.

⁹ Веселовский С. Б. О привилегиях по суду откупщиков и верных сборщиков // Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 120—145.

¹⁰ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 97. Л. 38; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1394. Л. 88.

¹¹ Например, недобор 1647/48 г. составил 324 руб. 26 алт. 4,5 д., 1648/49 г. — 240 руб. 17 алт. 4,5 д., 1649/50 г. — 205 руб. 4 алт. 2,5 д., 1650/51 г. — 367 руб. 31 алт. 1 д., 1651/52 г. — 437 руб. 1 алт. 5,5 д. + заводных денег 87 руб. 29 алт. 1 д. (см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 379. Л. 1—18).

¹² Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 295. Л. 148—150; Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губ. и частью Азова. Воронеж, 1853. Кн. 3. С. 32.

¹³ Глазьев В. Н. Откупщик против «мира»: Конфликт вокруг таможи и кабака в Воронеже в 1668—1671 гг. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1998. Вып. 7. С. 22—33.

Г. П. Енин

ВОЕВОДСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ ПОШЛИНА в XVII в.

Анализ различных источников выявляет получение городскими воеводами XVII в. почти всех доходов волостей и наместников XIV—XVI вв. Тщательное соблюдение воеводами традиции кормления дает основание предполагать у них и пошлинные доходы, не положенные им. Они обнаруживаются в источниках, в первую очередь обвиняющих воевод в злоупотреблениях, — в челобитных, обыскных делах, указах, грамотах и др. Неправомысленные поборы сверх законных пошлин совершали и наместники, так что воеводские злоупотребления сами по себе являлись частью традиции кормления.

Отсутствие юридических оснований на сбор пошлин привело

лишь к тому, что в нерегламентированных воеводских доходах слились воедино таможенные, торговые и проезжие пошлины. Воеводам не нужно и даже небезопасно было их квалифицировать. Поскольку все они поступали воеводам в связи с обязанностями по надзору за перевозкой и реализацией товаров и перемещением людей, то допустимо объединить их под названием таможенной пошлины.

Воеводы собирали пошлинные доходы разными способами. В смутное время они самовольно восстановили сбор на себя таможенных, торговых и кабацких пошлин¹. Для периода восстановления политической и хозяйственной стабильности наглядным примером использования властных полномочий в корыстных целях служит воеводство князей Д. П. Пожарского-Лопаты и Д. Г. Гагарина в Пскове в 1628—1630 гг. По материалам обыска 1630/31 гг., они предстают кормленщиками в худшем смысле этого понятия.

Как и все городские воеводы, князья имели законное содержание, которое обеспечивало им население за счет средств, собиравшихся всегородными старостами, но не удовлетворялись им. Они установили жесткий контроль над всей ремесленно-торговой деятельностью Пскова. Их действия имели характер неприкрытого безобразного насилия. Интенсивная эксплуатация ремесленников всех специальностей, экспроприация товаров у производителей, в торговых рядах и лавках, классический «рэкет» дополнялись упорядоченной процедурой сбора пошлин. Посадские люди не могли выехать в уезд за сырьевыми товарами без личного челобитья воеводам, т. е. без обязательного денежного подношения. Торговым людям не позволялось уехать ни в пригороды, ни в другие российские города, ни в заграничные Юрьев, Ригу, Кольвань, не уплатив воеводам «по пять и по шести рублей <...>, а с иные имали и по десяти рублей»².

Кнн. Д. П. Пожарский и Д. Г. Гагарин были опытными администраторами, хорошо знакомыми с юридическими документами, определявшими их компетенцию, поэтому важно выяснить реакцию правительства на жалобы псковичей. Она оказалась типичной для подобных случаев. Хотя факт несправедливого получения личных доходов был подтвержден, репрессивных мер не последовало. Избежать их помог большой опыт административной службы. Воеводская пошлина взималась «опричь государевых пошлин», т. е. пошлины поступали в казну исправно и воеводы не причинили ущерба интересам государства. В таких случаях в Москве предпочитали не обращать внимания на злоупотребления воевод.

Показания псковичей нисколько не повредили карьере князей. Через год по завершении воеводства в Пскове кн. Д. П. Пожарский ока-